

Е. Н. Лучинская (Краснодар, Россия)

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДОНАЛЬДА БАРТЕЛЬМИ**

В статье рассматривается проблема интерпретации текстов постмодернизма, характерными чертами которых являются прецедентность, интертекстуальность, тексты «готовой» культуры и пр. Множественность смыслов возможна благодаря правильному прочтению постмодернистского текста при помощи различных способов интерпретации, то есть, результата интеллектуальной деятельности читателя, автора и текста, включающий основные принципы понимания.

Ключевые слова: интерпретация, понимание, постмодернизм, интертекстуальность, актуализация множественных смыслов, тексты культуры

ELENA N. LUCHINSKAYA (KRASNODAR, RUSSIAN FEDERATION). INTERTEXTUAL RELATIONS ACTUALIZATION IN THE WORKS BY DONALD BARTHELMI. The article is devoted to the interpretation problem of the post-modern texts that can be defined by such specific features as precedent, intertextuality, cultural texts and so on. Multiplicity of the meanings exists in case of the correct reading of the post-modern texts using different ways of interpretation. Thus, the perception is the result of intellectual activity of the reader, author and the texts with the basic principles of understanding.

Keywords: interpretation, perception, post-modernism, intertextuality, actualization of the multiple meanings, cultural texts

Проблема понимания дискурса путем его интерпретации остается актуальной и достаточно сложной, до конца не разрешённой задачей в современной науке. В конце XIX в. американский ученый, основоположник семиотики и прагматизма Ч. С. Пирс указал на «отнесение к интерпретанте» (*reference to its interpretants*) и подчеркнул, что только в результате интерпретации, то есть, истолкования и осмысления многообразия чувственного материала, его понятийный синтез приобретает познавательное значение (Пирс 2000). В статье затрагиваются вопросы изучения механизма

интерпретации дискурсивных практик на материале произведений Д. Бартельми.

В настоящее время очевидно стремление учёных к созданию интегративной модели понимания, базирующейся на достижениях когнитивной лингвистики, функциональной семиотики и герменевтики. Данная модель теоретически должна учитывать восприятие, переработку и интерпретацию текстов различных дискурсивных практик, таким образом, она должна базироваться на фундаментальных положениях конструктивного, функционально-семиотического и герменевтического подходов к дискурсу. Энциклопедическая компетентность, герменевтический круг, а также модально-ценностное восприятие действительности и текста – все эти принципы являются основополагающими при интерпретации постмодернистского дискурса.

Основатель отечественного герменевтического направления Г. И. Богин отмечал, что «герменевтика – это деятельность человека или коллектива при понимании или интерпретации текста или того, что может трактоваться как текст. Герменевтика – именно деятельность, а не наука, но по герменевтике возможны и даже необходимы научные разработки» (Богин 2001: 1).

Именно понимание становится предметом филологической герменевтики, то есть, «усмотрение и освоение идеального, представленного в текстовых формах» (Там же: 1). Рассматривая понимание как основное выражение рефлексии, Г. И. Богин неоднократно подчеркивал, что «высказанная рефлексия есть интерпретация» (Там же: 2).

Понимание углубляется в процессе интерпретации: если рефлексия обращена на понимание, она позволяет задействовать большее число онтологических картин, хранящихся в опыте человека. При интерпретации текста активизируются различные знания индивида о мире, языке, которые входят в индивидуальную когнитивную систему человека.

Движение между пониманием и интерпретацией всё больше и больше обогащает освоенность содержательности текста – единства содержаний и смыслов. Далее приведем уровни понимания, выделенные Г. И. Богиним:

«Первый уровень – семантизирующее понимание, то есть “декодирование единиц текста, выступающих в знаковой функции”. Этот тип понимания происходит при нарушениях смыслового

восприятия текста в условиях овладения иностранным языком, например, в ситуации, где читателю среди “знакомых слов” встретилось “незнакомое слово”, подлежащее семантизации.

Второй уровень – когнитивное понимание, возникающее при преодолении трудностей в освоении содержания, то есть, тех предикаций, которые лежат в основе составляющих текст пропозициональных структур, данных читателю в форме тех же самых единиц текста, с которыми сталкивается семантизирующее понимание.

Третий тип – распремечивающее понимание, необходимое при действовании с идеальными реальностями (частными смыслами как реальностями сознания, воли и чувствования), презентуемыми при этом помимо средств прямой номинации, но опредмеченными именно в средствах текста. “Распредметить” значит восстановить при обращении рефлексии на текст какие-то стороны ситуации мыследействования продуцента. Распредмечивающее понимание обращено на тексты оригинальных художественных произведений, а отчасти – и на произведения разговорной речи как особой подсистемы в системе языка. Процесс распремечивающего понимания может совмещаться с процессами семантизирующего и когнитивного понимания или с их нерелевантными аналогами, имеющими характер процессов незатрудненного смыслового восприятия текста» (Богин 2001).

Герменевтическое изучение техник понимания – это использование всего духовного опыта человечества, «нащупывавшего» разные способы освоения мира: в самом общем виде техники понимания текстов культуры – это тоже способы освоения мира, но освоения не через накопление знаний, а через усовершенствование способов обращения рефлексии на мир. В системе техник понимания мы выделяем две техники усмотрения и построения смыслов: а) интендирование, которое используется как техника указания на экзистенциальные смыслы; б) герменевтический круг.

Так, например, принцип герменевтического круга, который регулируется посредством осознанной рефлексии, учитывает анализ текста и его понимания от элементов к целому и от целого к элементам. Он представляет переход от одного уровня понимания к другому, а именно: от семантизирующего – к когнитивному, и далее – к распремечивающему (Богин 2001: 35). В целом, следует

подчеркнуть, что непонимание перерастает в понимание при помощи приемов мыследеятельности, системно организованных герменевтических техник понимания, которые представляют собой совокупность приемов освоения содержательности текстов.

Дискурс, рассматриваемый в данном исследовании как коммуникативное событие, включает социальные, культурные, психологические, исторические и другие факторы. В понятие дискурса включаются «системы человеческого познания» (Фуко 1996: 50), заключённые в языковых средствах, которые используются для выражения ментальных и когнитивных процессов человеческого сознания. В понятие дискурса включается также и проблема интерпретации дискурсивных практик, которая требует выработки общей модели понимания как особого когнитивного многоступенчатого процесса восприятия текста. Как известно, дискурс соотносится с различными сферами человеческого познания, выступая частью социокультурного взаимодействия.

Материалом для нашего исследования послужили тексты произведений Д. Бартельми, и, в частности, роман «КОРОЛЬ» (THE KING). Анализ показал, что постмодернистский дискурс романа обладает высоким интерпретационным потенциалом благодаря своим уникальным характеристикам. Следует отметить, что многослойные произведения современности ограничивают роль средств прямой номинации, простого знакового наименования идеальных реальностей, релевантных для организации понимания. Согласно Мирче Элиаде, роман в современных обществах занял место мифологического рассказа (Элиаде 1995: 195). Возможно, поэтому персонажами романа Д. Бартельми становятся герои Артуровского цикла, перенесенные в Англию в период Второй мировой войны. В романе автор соединил реалии нескольких эпох – XVIII, XIX, XX веков.

Мастер короткой формы, Дональд Бартельми по-новому смотрит на процесс творчества, опровергая многие традиционные представления: он подчиняет форму изображению абсурдного и бессвязного потока разнородных впечатлений, составляющих духовный мир его персонажей. Поэтика Бартельми основана на пародировании и снижении серьёзного до нелепости. В повествовании нет никакой последовательности и логичности действия, поступков героев, отношений между ними, всего функционирования образно-ассоциативной системы (Зверев 1979).

Говоря о безграничных возможностях интерпретации, Н. Луман отмечает: «читатель имеет дело с процессом сообщения в редуцированной форме – с текстом. Зачастую создание текста занимает длительные пространственные и временные промежутки. В силу этого утрачивается интерес к конкретным мотивам сообщения..., а вместо этого открываются свободные пространства интерпретации, которые могут заполняться самым различным образом» (Луман 2011: 274-275).

В процессе анализа текстов Д. Бартельми нами отмечено использование приема «рефлексивного мостика», включающего следующие средства: а) метафоризации (на основе собственно метафоры и всех других тропов, служащих орудием пробуждения рефлексии); б) актуализации (фонетические, интонационные, грамматические, лексические, словосочетательные и др.); в) экспликационность и импликационность; г) средства прямой отсылки к отдаленной онтологической картине (аллюзия, цитация, пародирование и т. п.); интертекстуальность; д) ирония, юмор и пр.

Механизмы актуализации в тексте подчиняются законам и языковым нормам порождающей лингвокультуры. Следует отметить, что функция одновременной актуализации множественных смыслов в романе «КОРОЛЬ» является доминирующей, поскольку становится связующим звеном между реальным миром читателя и вымышленным миром текста.

Категории внешней и внутренней интертекстуальности включают цитаты, аллюзии, иностранные слова, языковые стили, литературные жанры, некоторые виды искусства. Для текстов постмодернизма актуальна идея синкретической интертекстуальности, которая реализует отношения между анализируемым текстом и текстами, принадлежащими другим семиотическим системам.

В процессе чтения сопоставляются системы интертекстуальных связей в тексте на субтекстовом, текстовом и метатекстовом уровнях, выявляются их сходства и различия, определяются доминирующие факторы трансформаций.

В частности, имена собственные в тексте романа заключают информацию, специальную или очень широкую, с разной степенью известности в разных сферах общения. В речи такое имя называет действительно существующий или выдуманный объект мысли, лицо или место. В каждом имени обычно содержится информация о локальной и национальной принадлежности обозна-

чаемого им объекта. В настоящее время мотивация названия в художественной литературе становится отдельной проблемой в изучении свойств имени собственного.

Имена персонажей, несущие дополнительную информацию о своем обладателе, принято называть «говорящими именами». В романе встречаются некоторые имена и реалии: отшельник Насьен (персонаж рыцарского романа); художники Вильям-Адольф Бугеро (XIX в), Ян Давидс де Хеем (XVII в.) и др.; технические предметы – пулемет системы Стéна, дельфтский алебастр; античные понятия – эвфоний, европий, эврикий; музыкальные реалии – сюита А. Шёнберга (XX в.), скерцо, гобой, лютя и др. Вышеприведенные имена уникальны и не являются широкоизвестными.

Анализ функций антропонимов в тексте романа показывает, что имена собственные в тексте романа выполняют важные функции. Во-первых, это создание фантастической жанровой доминанты, параллельный вымышленный мир текста становится одним из возможных миров. Во-вторых, имена с референтами в реальном мире читателя создают иллюзию реальности вымышленного мира романа, в котором упоминаются: а) топонимы – Лондон, Парламент, музей Виктории и Альберта, Британский музей, Ипсвич, и др.; б) известные имена (Гвинивера, Артур, Мордред, Гавейн, Ланселот и др.).

Так, упомянутый в романе отшельник Насьен встречается в других романах и не только рыцарских (например, «СМЕРТЬ КОРОЛЯ АРТУРА» Томаса Мелори), но и современных произведениях («ПОХОД СЕМЕРЫХ» Аллана П. Кристиана и пр.).

Анализ языка романа показал наличие особой группы слов – авторских неологизмов, функции которых в тексте романа заключаются в реализации языковой игры, например: *порымшишь, дремлючи, расстегиваючи, шевельнумшишь, прикрывши, соображалово, выступаючи, избавляючи, наисовершеннейшее, невообразимейшая* и т. п.¹

Примеры:

«Но ведь *оттуль* и *прискакал* он давеча с таким *превышением скорости!*».

---

¹ Автор здесь и далее анализирует примеры на русском языке (перевод оригинального текста американского автора), хотя условность такого анализа очевидна (прим. ред.)

«Гвинивера – баба неплохая. В душе, – сказала радио».

«Неуязвимые силы Рейха, – сказал Ха-Ха, – наступают по всем фронтам. Дюнкерк полностью блокирован. Невообразимейшая резня. Сообщают о захвате в плен Гавейна...».

Необходимо пояснить, что сэр Гавейн не мог попасть в плен во время Второй мировой войны силами Третьего Рейха. Данная энциклопедическая компетенция составляет основу текстуальной компетенции интерпретатора, она относится к когнитивному уровню понимания.

«– Приходится держать в голове столько разных людей – думать о них раньше вообще в голову не приходило, – сказала Гвинивера. – Взять, к примеру, хорватов. До этой войны я и понятия не имела, что существуют еще *какие-то* хорваты.

– А они за нас?

– Насколько я понимаю, их пока держат в резерве для вероятного восстания в том случае, если сербам не удастся выполнить какое-то там соглашение.

– Что есть серб, мадам?

– Должна тебе признаться в наисовершеннейшем невежестве, – ответила королева. – Я только знаю, что они делят территорию с хорватами. Надо полагать, без большой охоты. А еще приходится переживать за болгар, румын, венгров, албанцев и вообще бог знает кого. Того и гляди макушка лопнет».

«Наверное, следует *отправить* Артуру телеграмму об этом проклятом *локомотиве*, приваренном к этим проклятым *рельсам*, – сказала Гвинивера. – А поляк говорил, чего хотят *железнодорожники*?

– Сказал, что больше денег».

Поясним, что слова и, соответственно, понятия XIX-XX вв. не были известны рыцарям круглого стола, в этом и состоит игра слов.

«*Quel* сюрприз, – сказала королева».

Комментарий: слово *Quel* из французского языка («какой») просто не могло быть услышано из уст Гвиниверы (французский язык был привезен только в 1066 году Вильгельмом Завоевателем).

«– Осточертела мне эта война, – сказал Эдвард. – К тому же я ее не понимаю. Какая-то совсем *нехристианская*».

В данном отрывке использован оксюморон – *христианская война*.

«Музыка устилает весь лесной ковер снопиками *мёртвых и умирающих нот*».

«– Я как-то раз бывал в музее. В Париже, – сказал Ланселот. – Куча картин, статуй и всякого барахла».

В отрывке использованы метафоры: *мёртвые и умирающие ноты*; совмещение разных культурных эпох, поясним: во времена Ланселота не было музеев (имеется в виду Лувр).

«Я же прочел их довольно много, – сказал сэр Роже. – Если ты *чёрен*, все склонны думать, что ты еще и *глуп*. Поэтому я очень стараюсь глупцом не быть. Вот на днях прочел одну хорошую книгу. «АНАТОМИЯ МЕЛАНХОЛИИ», написал Бертон. Не книга, а брильянт».

Следует пояснить, что «АНАТОМИЯ МЕЛАНХОЛИИ» – это книга английского философа XVII в. Роберта Бёртона, священнослужителя, писателя и учёного, которую не мог прочитать сэр Роже и которая не может служить доказательством его ума и образованности.

Король Артур слушает пропагандистские радиопередачи мистера Ха-Ха:

«– Добрый вечер, собратья, – сказал Лорд Ха-Ха. – Говорит Германия».

В данном отрывке речь идет о реальном лице – Уильяме Джойсе (1906–1946), который во время войны был диктором немецкого радио, транслировавшего в англоязычных странах. За своеобразную манеру речи он получил у англичан прозвище *Lord Haw-Haw*.

В романе «КОРОЛЬ» Артур дает бессмысленные интервью, где туманно рассуждает о системе налогообложения и тяготах королевской жизни; он озабочен проблемой, как бы сдвинуть с места локомотив, намертво приваренный к рельсам бастующими железнодорожниками.

Отметим, что линии сюжета не изменены: Мордред интригует против отца и готовит государственный переворот. Благородные рыцари Круглого стола показаны фарсовыми фигурами, они рассуждают о феях, драконах и прочих материях. Красный Рыцарь – коммунист, он расхваливает Партию, «олицетворяющую коллективную мудрость народа».

Черный Рыцарь – негр-интеллектуал, который «с учёным видом знатока» может говорить на любые модные темы.

Вальтер Безденежный, предводитель крестоносцев браконьерствует в королевском лесу, проповедует крестовый поход на Европу и пугает честной народ эсхатологическими прогнозами.

Синий Рыцарь занят поиском святого Грааля и изобретением супер-оружия, способного «причинить ни с чем не сравнимые разрушения и отвратительнейшим образом подействовать на человеческую жизнь».

Комический сюжет «КОРОЛЯ» передается стилем *patchwork*, сочетающим архаизмы и просторечия, обрывистые реплики, длинные периоды, которые используются для пародии языка политических газет и квазинаучной зауми:

«... В соответствии с чем и на основании чего и следует то внутреннее смятение, коим вынужден терзаться король, и говорить о коем я не могу, поскольку будучи рассказанным о, смятение это станет овнешвленным, а не внутренним, а удержание внутреннего внутри и есть сама сущность королевской власти...» и т. п.

В романе «КОРОЛЬ» Д. Бартельми сохраняется принцип фрагментарного повествования: нет ни связанной фабулы, ни завязки, ни кульминации, ни развязки. Нет и повествования как такового, перед нами не роман, а череда скетчей, связанных друг с другом.

Текст романа «КОРОЛЬ» состоит из диалогов; авторская речь в них передана во вводных ремарках: «Лионесса и Эдвард на палубе танкера “УРСАЛА”. Слушаючи Эзру по корабельному радио»; «Сэр Роже де Ибадан беседуючи с Красным рыцарем – сэром Железнобоком»; «В кафе “БАЛАЛАЙКА” Ланселот и Гвиневера за кофе...». При этом в тексте романа намеренно используются реалии других культурных эпох (*танкер “УРСАЛА”, корабельное радио, балалайка, кофе* и пр.).

Важно подчеркнуть, что деятельность автора художественного произведения объединяет тексты культуры как объекты понимания и интерпретации. Множественность смыслов возможна благодаря правильному прочтению постмодернистского текста при помощи различных способов интерпретации. В основе построения индивидуальных смысловых миров лежат индивидуальные особенности интендирования. При понимании текста категория

интенциональности (направленной рефлексии) доминирует над категорией чувственности.

Г. И. Богин был убежден, что «смыслы “есть” только в рефлексии, только в движении, в потоке коммуникации с человеком и текстом, они являют себя через самих себя, переживаются не через “отражение внетекстовой действительности”, а через переживание же, пробуждаемое рефлексией в душе реципиента» (Богин 2001). Именно поэтому интерпретация – это результат интеллектуальной деятельности читателя, автора и текста, включающий основные принципы понимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богин, Г. И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику. – М.: «Психология и Бизнес ОнЛайн», 2001. – 731 с.
2. Зверев, А. М. Модернизм в литературе США. – М.: Наука, 1979. – 318 с.
3. Луман, Н. Общество общества. – М.: Логос, 2011. – 640 с.
4. Элиаде, М. Аспекты мифа. – М.: Акад. Проект, 1995. – 200 с.
5. King, F. Lord Haw-Haw meets King Arthur // Spectator. – 1991. – Vol. 266. – № 8484. – P. 26.

Источники

1. Бартельми, Д. Король. Изд-во «Эксмо». – М., 2004.
2. Бартельми, Д. Шестьдесят рассказов. – СПб.: Симпозиум, 2000.

Елена Николаевна Лучинская,
Кубанский государственный университет
ул. Ставропольская, 149 Краснодар, 350040
Российская Федерация
bekketsam@yandex.ru

Elena N. Luchinskaya
Kuban State University
ul. Stavropolskaya 149, Krasnodar, 350040
Russian Federation
phone: +7 (861) 219 95 89